
ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

DOI: 10.14515/monitoring.2017.1.13

Правильная ссылка на статью:

Степанов А.М. Анализ транснациональных практик эмигрантов из стран бывшего СССР в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе: русские в Америке или американцы из России? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 1. С. 196—208.

For citation:

Stepanov A.M. Analysis of transnational practices of the former USSR emigrants in New York and Los Angeles: Russians in America or Americans from Russia?. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2017. № 1. P. 196—208.

А. М. Степанов

АНАЛИЗ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАКТИК ЭМИГРАНТОВ ИЗ СТРАН БЫВШЕГО СССР В НЬЮ-ЙОРКЕ И ЛОС-АНДЖЕЛЕСЕ: РУССКИЕ В АМЕРИКЕ ИЛИ АМЕРИКАНЦЫ ИЗ РОССИИ?

АНАЛИЗ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАКТИК ЭМИГРАНТОВ ИЗ СТРАН БЫВШЕГО СССР В НЬЮ-ЙОРКЕ И ЛОС-АНДЖЕЛЕСЕ: РУССКИЕ В АМЕРИКЕ ИЛИ АМЕРИКАНЦЫ ИЗ РОССИИ?

ANALYSIS OF TRANSNATIONAL PRACTICES OF THE FORMER USSR EMIGRANTS IN NEW YORK AND LOS ANGELES: RUSSIANS IN AMERICA OR AMERICANS FROM RUSSIA?

СТЕПАНОВ Александр Михайлович — ассистент кафедры социального анализа и математических методов в социологии СПбГУ, сотрудник лаборатории «Транснационализм и миграционные процессы» СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия.
E-MAIL: 9160001@inbox.ru
ORCID: 0000-0001-8017-2352

Alexander M. STEPANOV^{1,2} — Assistant Professor, Researcher
E-MAIL: 9160001@inbox.ru
ORCID: 0000-0001-8017-2352

¹ Department of Social Analysis and Mathematical Methods in Sociology

² «Transnationalism and Migration Processes» Laboratory, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Аннотация. Представлены результаты первого этапа исследования, посвященного выявлению у различных категорий и групп мигрантов поведенческих практик, позволяющих констатировать их включенность в одно или несколько транснациональных социальных пространств (в определении

Abstract. The paper presents the results of the first stage of a study devoted to exploring how different categories and groups of migrants are involved into one or several transnational social spaces (according to T. Faist definition). 13 qualitative focused interviews were carried out in two American cities, New York and

Т. Файста). В рамках исследования в 2015 г. проведено 13 качественных фокусированных интервью в двух городах США — Лос-Анджелесе и Нью-Йорке. В качестве информантов выступали эмигранты из бывшего СССР, покинувшие страны исхода в 1990е — 2010е гг. и постоянно проживающие в США. Первая часть статьи посвящена анализу этапов и направлений эмиграции с территории бывшего СССР, а также основных трактовок и этапов становления концепции транснационализма, под которым понимается одновременное нахождение мигранта в двух социальных пространствах «здесь» и «там» (обычно — в двух национальных государствах). Во второй части статьи представлен анализ интервью с мигрантами, проживающими в двух крупных американских городах. Результаты исследования подтверждают наличие у информантов транснациональных практик, что позволяет относить их к числу транснациональных мигрантов, несмотря на завершившийся для них процесс миграции.

Ключевые слова: миграция, транснациональные социальные пространства, транснационализм, эмиграция, СССР, повседневные практики

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке Российского Гуманитарного Научного Фонда, проект № 16-33-01123.

Los Angeles in 2015 as a part of their project. The informants were the former USSR migrants who left the country of origin in 1990—2010s to permanently settle in the U.S.A. The first part of the article characterizes the stages and directions of migration from the former USSR territory as well as basic interpretations of the transnationalism concept that implies migrant's simultaneous presence in two social spaces «here» and «there» (usually in two nation states). The second part of the article provides an analysis of the interviews with migrants living in two large American cities. The results of the study prove that informants have transnational practices which in turn allow to recognise them as transnational migrants despite the fact that the migration process is not finished for them.

Keywords: migration, transnational social spaces, transnationalism, emigration from the USSR, everyday practices

Acknowledgment. The article is supported by the Russian Humanitarian Science Foundation project no. 16-33-01123.

Исторический обзор миграций из России в США

На протяжении последних полутора веков США привлекали выходцев сначала из Российской империи, затем из Советского Союза, а потом из стран постсоветского пространства. При этом США оставались одним из основных направлений, выделяемых в рамках «волн эмиграции». Необходимо отметить, что «волна эмиграции» не является строго научным термином, а подходы к трактовке данного понятия и нумерации

«волн» весьма разнообразны. Мы остановимся на подходе, согласно которому в XX в. СССР пережил четыре волны эмиграции (в период с 1917 г. — начало первой волны по конец 1990-х гг. — окончание четвертой) (см.: [Вишневский, Зайончковская, 1991; 1992; Медведева, Бушуева, 2016; Полян, 2005; Попков, 2007]).

Первую волну советской эмиграции принято относить к постреволюционному периоду (1917 — середина 1920-х гг.), она была вызвана очевидными причинами: сменой государственного строя, гражданской войной. Основными направлениями эмиграции стали страны Европы, США, Канада, в меньшей степени — Китай.

Вторая волна связана с Великой Отечественной войной, её главное направление: с оккупированных советских территорий на запад — в Германию, Австрию, Англию, Канаду, США. Основу эмиграции этого периода составляли военнопленные, оставшиеся после окончания войны за границей.

Третья волна советской эмиграции относится к 1970-м — середине 1980-х гг., она, как и первая, носила преимущественно политический характер, и часто называлась «еврейской» или «диссидентской». Ее основу составили лица еврейской национальности, получившие разрешение на выезд из СССР, и представители либерально настроенной интеллигенции. Большинство из них осели в Израиле, однако часть из них позже переехала в США, где в условиях холодной войны действовала программа, в соответствии с которой иммигранты из СССР могли получить статус беженцев [Тольц, 2007; Remennick, 2007].

Четвертая волна эмиграции началась после перестройки и длилась до конца 1990-х гг., имея при этом выраженную географическую направленность. Так, в России более 90 % всех эмигрантов направлялись в три страны: Германию, Израиль и США [Денисенко, 2012]. Такое распределение эмиграционных потоков обусловлено действием программ по репатриации немцев и евреев в Германии и Израиле и программ по воссоединению с родственниками, уехавшими из СССР в 1960-х — 1970-х гг.

Некоторые авторы (см., например, [Зеленин, 2007]) выделяют и пятую волну эмиграции (с конца 1990-х по настоящее время), называя ее «экономической» или «интеллектуальной». Однако такая трактовка эмиграционных процессов в современной России является неоднозначной, а характеристики этих процессов требуют дальнейших исследований.

В целом конец XX в. характеризовался не только высоким уровнем эмиграции с территории СССР/постсоветского пространства и трудовой миграции из менее экономически развитых стран в более развитые, но и наплывом беженцев, спасавшихся от нестабильности в странах третьего мира. В миграционные процессы этого периода оказались вовлечены не только общества с длительной историей миграции, такие как США, Австралия и Канада, но и страны, где раньше не было большого количества мигрантов (страны Западной Европы, Япония). Произошедшие изменения в этническом (расовом) составе принимающих стран, в природе капиталистических отношений на новом витке экономического развития, в отношении к гражданству вызвали необходимость появления новой теоретической конструкции, способной анализировать влияние миграции как на принимающие страны, так и на страны исхода, в качестве которой выступила концепция «транснационализма» [Kivisto, 2001].

Теоретико-методологические основания исследования: транснациональный подход

Термин «транснационализм» появился в 90-е гг. XX в. — он подразумевает фиксацию мигранта в двух социальных пространствах — «здесь» и «там», в качестве которых выступают современные национальные государства (nation-states) [Кивисто, Резаев, 2015: 9]. В фокус исследований транснационализма попадают как новые социальные формации, такие как транснациональные социальные пространства, так и влияние кросс-границных взаимодействий на локальные социальные институты [Faist, 2010].

В специальной литературе выделяются три этапа становления концепции транснационализма [Kivisto, 2001].

Первый из них связан с именами культурных антропологов Нины Глик Шиллер, Линды Баш и Кристины Зантон Бланк (Nina Glick Schiller, Linda Basch, Christina Szanton Blanc), которые ввели данный термин в научный оборот [Bash et al., 1995; Glick Shiller et al., 1992]. Определение «транснационализма» основывается на двух тезисах: во-первых, отличительной особенностью ранней эры миграции (конец XIX-го — начало XX-го вв.), с точки зрения авторов, был разрыв социальных и культурных связей со страной исхода и позиционирование себя внутри социально-культурного, экономического и политического контекстов принимающего общества. Современные мигранты, напротив, включены в социальные сети как внутри принимающего сообщества, так и на родине. Во-вторых, авторы основываются на понимании транснационализма как продукта мировой капиталистической системы, исследование которого возможно лишь в рамках мир-системной теории, а не теорий, объектами которых выступают национальные государства. Исходя из этого, Глик Шиллер с коллегами и ввели два термина: «транснационализм» и «трансмигрант»; первый описывает процесс выстраивания мигрантом социального поля, которое соединяет страну исхода и принимающее общество и существует «поверх» границ национальных государств; второй обозначает мигранта, который эти поля создает.

Второй подход разработал Алехандро Портес (Alejandro Portes), способствовавший распространению термина «транснационализм». К основным направлениям его исследований относится анализ иммиграции в США, в том числе второго поколения мигрантов, по результатам которого сформирована концепция «сегментированной ассимиляции» (segmented assimilation) [Portes, Zhou, 1993; Portes et al., 2005] (современную критику этой теории см. в [Waldinger, Catron, 2016]). Портес связывал транснационализм с возникновением социальных полей, формирующихся растущим числом мигрантов, говорящих на двух языках, имеющих жильё в разных странах и социальные связи, выходящие за границы одного государства [Portes et al., 1999]. При этом, в отличие от Глик Шиллер, Портес с коллегами отказываются от термина «трансмигрант», утверждая, что не все современные мигранты транснациональны.

Наиболее обоснованным представляется третий подход — Томаса Файста (Thomas Faist), основанный на идее транснациональных социальных пространств (transnational social spaces). Именно он лег в основу исследования, результаты которого представлены в данной статье.

Транснациональные социальные пространства, согласно концепции Файста, состоят из «комбинаций социальных и символических полей и их контекстов, позиций в социальных сетях или организациях, или сетях организаций, которые распространяются на два или более национальных государства» [Faist, 2013: 450]. Большинство такого рода образований, согласно Файсту, располагаются на «стыке» повседневной жизни и функционирования различных социальных институтов: экономических, политических, научных, религиозных. Первичным элементом транснациональных социальных пространств является взаимодействие между отдельными индивидами; на более высоком уровне в это взаимодействие включаются социальные группы, организации.

Концепция транснациональных пространств строится на том, что миграционная система представляет собой процесс преодоления границ, в ходе которого два или более национальных государства становятся составными частями единого пространства. Это предполагает циркуляцию идей, символов, объектов материальной культуры. Кроме того, транснациональное социальное пространство предполагает перемещение людей (мигрантов), включенных в транснациональные отношения. Однако социальные поля связаны не только с объектами материального мира — в не меньшей степени они формируются ценностями и смыслами, значимыми для мигранта. В физическом смысле такие социальные пространства могут объединять два или более региона, государства и т. п. [Faist, 2013: 452].

Важной характеристикой транснациональных пространств является степень их формализации, которая определяется как уровнем групповой организации, так и распространением разделяемых ценностей и символов. Так, например, Файст, относит мигрантские сообщества к образованиям с высоким уровнем формализации, но не из-за их организационной структуры, а благодаря общим ценностям и символам. Он выделяет четыре идеальных типа транснациональных пространств: зоны контактов и диффузии (*areas of contacts and diffusion*); малые группы, в частности, родственные группы (*small groups, particularly kinship systems*); сети, ориентированные на решение конкретных проблем (*issue networks*); сообщества и организации (*communities and organizations*) [Faist, 2013: 452].

Транснациональный подход открывает иные перспективы в исследовании и эмпирическом анализе современных миграционных процессов. Он позволяет ставить исследовательские вопросы о таких феноменах, как перемещение мигранта из одного национального пространства в другое, одновременное включение мигранта в социальные сети и повседневные миры принимающего сообщества и страны исхода, экономическая деятельность мигрантов. При этом надо понимать, что исследования транснационализма не заменяют исследования миграции, а представляют собой отдельные (но пересекающиеся) области исследований [Кивисто, Резаев, 2015: 8].

Отметим, что мы не являемся первыми в использовании подхода Файста для исследования эмиграции с территории бывшего СССР. Опираясь, в том числе и на концепцию Файста, Лариса Ременник (Larisa Remennick) занималась изучением «русских евреев» в Израиле [Remennick, 2002; 2007; 2015]. В ходе исследований она, во-первых, вывела типологию транснациональных иммигрантских групп, которая, с нашей точки зрения, является универсальной для выходцев

из СССР и России вне зависимости от направления миграции; во-вторых, типологизировала их транснациональные практики. А также выделила три категории мигрантов: к первой отнесены члены этнически неоднородных семей (зачастую, это союз мужчин-евреев с женщинами не еврейской национальности), чьи родственники, родители или дети от предыдущих браков жили на территории бывшего СССР; вторую категорию составили представители так называемого «полукоренного поколения» иммигрантов, которые эмигрировали из СССР детьми или подростками и получали образование уже в Израиле; третья — представлена пенсионерами в возрасте от 55 до 70 лет, которые в силу незанятости на рынке труда могли свободно перемещаться из Израиля в страну исхода и обратно.

Транснациональные практики мигрантов обуславливались несколькими причинами. Во-первых, необходимостью поддерживать отношения с родственниками, детьми или родителями на родине, помогая им финансово и навещая их. Во-вторых, это сохранение отношений с друзьями и знакомыми, оставшимися на территории бывшего СССР или эмигрировавшими в другие страны (как правило, в США, страны Западной Европы), посредством телефонного или on-line общения. Наконец, это наличие двойного гражданства. Кроме того, наряду с конструированием мигрантами «наднациональных» социальных полей или пространств, в которых они существуют, реализуя транснациональные практики, Ременник указывает на значимость временного аспекта транснационализма, который заключается в необходимости одновременного включения мигранта в социальные сети принимающего сообщества и страны исхода [Remennick, 2015: 30].

Обозначенные выше подходы Кивисто, Файста и Ременник к пониманию феноменов транснационализма и его аспектов легли в основу эмпирического исследования эмигрантов из стран бывшего СССР в США.

Методы исследования

Представленные ниже результаты носят предварительный характер и относятся к первому из серии эмпирических исследований, направленных на выявление у различных категорий и групп мигрантов с территории бывшего Советского Союза поведенческих практик, позволяющих констатировать их включенность в одно или несколько транснациональных социальных пространств (в определении Т. Файста). В продолжение данного этапа планируется проведение исследования в других городах США и других странах, а также среди представителей иных групп мигрантов.

На данном этапе в качестве объекта исследования выступали выходцы из стран бывшего СССР, постоянно проживающие в крупных городах США. В качестве метода использовались качественные фокусированные интервью. Всего в рамках данного этапа в 2015 г. было проведено 13 интервью в двух городах: в Лос-Анджелесе (шесть интервью) и Нью-Йорке (семь интервью). Объект исследования был дифференцирован по времени приезда в США: если в Лос-Анджелесе все информанты относились к эмигрантам «четвертой волны», которые покинули страны исхода в 1990-е гг. либо в качестве беженцев, либо по программе воссоединения с родственниками, то в Нью-Йорке мы общались с теми, кто приехал в период с 2001 по 2013 гг., в основном по экономическим причинам.

В обоих городах в качестве информантов выступали эмигранты не только из России, но из других стран постсоветского пространства: в Лос-Анджелесе это были выходцы из России, Украины, Белоруссии, в Нью-Йорке — из России, Украины, Белоруссии, Литвы. В соответствии с классификацией мигрантских групп, предложенной Ременник, наши информанты частично относятся к первой категории — этнически неоднородных семей, а частично не попадают под эту классификацию. В качестве последних выступают представители моноэтнических семей: евреи, русские, литовцы.

Транснациональные практики эмигрантов

Исходя из понимания транснационализма как одновременного присутствия мигранта в социальных пространствах не менее двух национальных государств, необходимо отметить, что все наши информанты адаптировались в американском обществе, и их повседневность определяется включенностью в социальное пространство Лос-Анджелеса и Нью-Йорка. Все имеют работу, разнообразно проводят досуг, имеют широкий круг общения, состоящий как из местных жителей, так и из представителей русскоговорящего сообщества.

Анализ проведенных в Лос-Анджелесе интервью показал, что нашим информантам присущи практики, которые позволяют констатировать их включение в транснациональные социальные пространства. Согласно классификации Файста, они включены в пространства «малых групп»: практически у всех в стране исхода или в других странах остались родственники и друзья, с которыми поддерживаются регулярные контакты посредством современных средств коммуникации. Многие ездят на родину. Выявленная «плотность» общения наших информантов с друзьями и родственниками в других странах, а в данном случае — на других континентах, позволяет утверждать, что оно является неотъемлемой частью их повседневности.

Информант 1: «Родственники дальние, друзья... мы разъехались: часть оказалась в Израиле, часть здесь. ... Да, мы общаемся, достаточно часто, потому что сейчас все настолько просто...иногда e-mail, но в основном это viber, watsup. Я думаю, что где-то раз в неделю мы общаемся. ... Я бывала где-то раз пять в Москве...когда я приезжала...это как бы странно звучит, ты переносишься в пространстве, то есть я туда приезжала, все знакомое настолько, что знаешь куда идти, куда ехать, где пересадку сделать, абсолютно все».

Информант 3: «У меня мама в России. Я приезжаю очень часто... мы ездим в Россию при каждом удобном случае, но, к сожалению, я работаю очень много и мне тяжело очень вырваться. А так обычно по телефону или скайп».

Информант 5: «Мы до сих пор поддерживаем очень близкие отношения... многие друзья приезжали к нам в гости сюда. Благодаря интернету (общаемся) каждую неделю: watsup, переписка».

Помимо общения с друзьями и родственниками посредством телефона и интернета, а также поездок на родину, включенность информантов в транснациональные социальные пространства обусловлена символическим потреблением русской культуры. Анализ интервью показывает, что, несмотря на длительное пребывание в США, образ жизни мигрантов, под которым в данном случае понимаются повседневные практики взаимодействия в семье, не претерпел существенных

изменений. Все наши информанты отметили, что дома говорят на русском языке, стараются читать русскую литературу, смотреть российское телевидение и быть в курсе событий происходящих на родине, отметив, что одним из приоритетов является сохранение русского языка и русской культуры и в следующих поколениях их семей.

Информант 1: «...дома говорим на русском...так получается...это совершенно естественно. ... Я люблю культуру, мы по-прежнему смотрим русские фильмы, слушаем музыку и книги читаем...».

Информант 6: «Вы знаете, все по-разному, но я про своих могу сказать: мы как были русскими, так и остались. У меня только русское телевидение, русские газеты... Это совершенно другой менталитет! Мы им можем сказать «хай», «бай» и так далее, но у себя дома та же самая пища, тот же самый оливье, все то же самое...холодец, селедка под шубой...и еда, и телевидение, и газеты. ... Американцы... они совершенно нам противоположны, они вообще не понимают, о чем мы думаем, для них совершенно все это противоположно».

Информант 4: «Я и моя супруга считали, что самое главное, чтобы дети знали свои корни и могли разговаривать на родном языке. ... Я себя считаю советским человеком, я — совок. В нашей семье такой цели, как ассимилироваться, нет. ... Мой круг общения и друзья здесь — это все такого плана люди, то есть с таким же понятием. Потому что это Родина. И они переживают за всё, что там происходит, но при этом стараются сохранить свою культуру здесь».

Таким образом, проведенные интервью показывают, что для тех людей, с которыми нам удалось побеседовать, включенность в социальные пространства, выходящие за пределы государства, где они проживают и гражданами которого являются, — это часть их повседневной жизни. Такая включенность выражается как в поддержании связей с родственниками и друзьями в странах исхода и в регулярных поездках на родину, так и в характере их символического потребления — сохранения своей культуры на территории принимающего государства. Наши информанты, мигранты в первом поколении, в ходе интервью ясно дали понять, что, несмотря на все возможности, которые предоставлены им США, они не хотят отказываться от общения на родном языке, от своей культуры, а некоторые — даже от привычной пищи.

Отдельного внимания достоин сюжет, связанный с так называемым «полуторным поколением» мигрантов — теми, кто эмигрировал с родителями в детском или подростковом возрасте и получил или продолжил образование на принимающей территории. Интервью с представителями данной категории мигрантов не проводилось, однако полученные данные указывают на необходимость проведения таких интервью при реализации следующих этапов исследования. Большинство информантов в Лос-Анджелесе, с которыми мы беседовали, эмигрировали с детьми, у других дети родились уже в Америке (но они относятся уже ко второму поколению). Что же касается представителей именно полуторного поколения, то, судя по словам их родителей, существует большая разница как в степени включенности транснациональных практик в их повседневность, так в их самоидентификации по национальному признаку. Если, как уже было отмечено выше, практически все наши информанты неразрывно идентифицируют себя с Россией (Советским

Союзом) и стараются сохранять свою культуру, живя в США, то с их детьми ситуация иная.

Информант 5: «У нас внутри семьи общение происходит на русском языке ... а вот сын считает себя американцем точно, и дочь тоже... у них нет какой идентификации с Белоруссией, Россией, с Советским Союзом, нет, абсолютно. Ну, дочь вообще здесь родилась... при разговоре она не всегда отвечает по-русски иногда по-английски. Между собой (дети) они вообще только по-английски. Для меня очень важно чтобы она знала язык».

Информант 1: «Я приехала с сыном, ему было 15 лет. Он ощущает себя американцем... вы знаете что интересно...и школа была не русская, сразу американская, в университете он учился там, где не было много русскоязычных студентов. То есть там вообще не было окружения...он, я вижу, как бы все равно тяготеет...вот он женился недавно, так девочка русскоязычная. <...> Я знаю, что у моей сестры сын, ему было 4 года, он говорит по-русски, читает, но это благодаря тому, что родители заставляют его. Ему конечно проще говорить по-английски. И еще один племянник...ему было 10 лет, он тоже, он как бы говорит, читает, понимает, но говорить ему проще по-английски. Они, конечно, американцы с русскими корнями».

Информант 3: Подростки говорят «я вырос тут» или «я тут родился». Даже если родился в России и приехал в маленьком возрасте в Америку, в 2—3—5 лет, то говорят: «Нет, моя семья тут, моя школа... поэтому я американец».

Как показывают интервью, представители полуторного поколения чаще идентифицируют себя не с русскими (или людьми, родившимися в Советском Союзе или других странах бывшего СССР), а с американцами, но с русскими корнями. Причем, была выявлена прямая зависимость степень идентификации себя с родиной от возраста, в котором произошла эмиграция. Это представляется вполне логичным, так как, чем старше человек на момент отъезда, тем в большее количество социальных сетей он включен и дольше социализировался как представитель определенной национальности.

Необходимо также отметить, что степень включенности в русскую (постсоветскую) культуру и степень идентификации себя с родиной у представителей полуторного поколения мигрантов, во многом определяется отношением к этой проблеме их родителей и не может быть описана однозначно.

Информант 4: «В каждой семье по-разному...у меня в доме, пока старшие не достигли 7-летнего возраста, они не слышали английскую речь. ... Но опять же... я знаю семьи, где русской речи не звучит... есть семьи... они не хотят ни слышать, ни видеть...».

Информант 2: «Дочке было пятнадцать... сейчас она читает только на русском... она очень любит и скучает и, если начинает забывать, то берет русскую литературу...».

Анализ интервью, проведенных в Нью-Йорке с представителями более молодого поколения мигрантов, позволяет констатировать: несмотря на разницу в периодах миграции, они в не меньшей степени включены в транснациональные социальные поля, при этом интенсивность этой включенности, пожалуй, даже выше, чем у представителей четвертой волны эмиграции. Это обусловлено тем, что основными причинами для миграции в 2000-х гг. были экономические — желание построить карьеру или просто «поиски лучшей жизни», — и миграция происходила не семьями, а в одиночку, что определяет более высокую частоту общения с родными и близкими.

Наши информанты указывали не только на регулярные контакты посредством телефона и интернета с родственниками, оставшимися дома, и регулярные поездки на родину, но и на оказываемую им финансовую помощь, что позволяет констатировать их включение (по классификации Файста) в транснациональные поля «малых групп».

Информант 9: *«У меня все родственники там остались... поддерживаю связь... и финансово, и коммуникация... деньги? Это происходит ежемесячно, в среднем где-то 10 % от дохода. Все зависит от того, сколько в этом месяце заработал».*

Информант 13: *«Приехала 3,5 года назад... мало. ... Вся моя семья находится в России... конечно общаемся, созваниваемся... Денежное обращение? Есть, у меня кредит в России, а с родителями нет, никто никому не помогает...».*

Кроме того, те из информантов, кто прожил в США более пяти лет к моменту интервью, имели двойное гражданство, что, в соответствии с подходом Файста и Ременник, характеризует их как транснациональных мигрантов.

Информант 10: *«Я приехала в Нью-Йорк где-то 15 лет назад. ... А муж у меня не очень нашел себя в Америке, мы живем вместе у нас одна хорошая семья, но он работает в России, вернулся в Россию работать. ... Я гражданка Америки. ... В России, в Москве часто бываю».*

Информант 7: *«Из Вильнюса приехала...уже больше 10-ти лет. ... я гражданка США...у меня двойное гражданство, второе EU... Стараюсь каждый год летать... Папа, теперь он там».*

Выводы

Анализ интервью, проведенных в двух американских городах — Лос-Анджелесе и Нью-Йорке — с представителями двух групп мигрантов — эмигрантами четвертой волны и экономическими мигрантами начала 2000-х гг. — позволяет сделать вывод, что независимо от периода миграции и ее целей включенность в транснациональные социальные пространства является неотъемлемой частью жизни выходцев из стран постсоветского пространства, проживающих в США. Транснациональные практики наших информантов заключаются в поддержании связи с родственниками и друзьями, оставшимися на родине или оказавшимися в результате миграции в других странах, периодическом посещении страны исхода, финансовой поддержке родственников, наличии двойного гражданства.

Разумеется, выбранный метод и количество проведенных интервью позволяют сделать лишь предварительные выводы, которые не могут быть экстраполированы на все сообщество русскоговорящих мигрантов в США — выходцев из стран бывшего СССР. Однако тот факт, что на наличие транснациональных практик в той или иной степени указали все информанты, позволяет предположить, что транснационализм является универсальной моделью поведения для наших соотечественников, проживающих в США. Это предположение может выступить гипотезой для дальнейших исследований. Не менее важным направлением последующих этапов исследования может стать изучение полторного поколения мигрантов. Они располагаются между мигрантами первого поколения, ориентированными, согласно проведенным интервью, на сохранение русского языка и культуры и идентифицирующими себя с русскими или советскими людьми, и вторым поколе-

нием — теми, кто родился на территории принимающей страны и для кого русский язык и культура уже не являются родными. Именно ориентации и поведенческие стратегии представителей полуторного поколения могут оказать влияние на облик постсоветской эмиграции в США.

Список литературы (References)

Вишневский А. Г., Зайончковская Ж. А. Волны миграции. Новая ситуация // Свободная мысль. 1992. № 12. С. 4—16. [Vishnevskii A. G., Zaionchkovskaya Zh. A. (1992) Volny migratsii. Novaya situatsiya [Waves of Migration. A new situation]. *Svobodnaya Mysl* [Free Thought]. No. 12. P. 4—16. (In Russ.)].

Вишневский А. Г., Зайончковская Ж. А. Миграция из СССР: четвертая волна. Рабочие доклады Центра демографии и экологии человека. Вып. 3. М., 1991. [Vishnevskii A. G., Zaionchkovskaya Zh. A. (1991) Migratsiya iz SSSR: chetvertaya volna. Rabochie doklady Tsentra demografii i ekologii cheloveka. Vyp. 3. [Emigration from the former USSR: the fourth wave. Working papers of the Center for Demography and Ecology. Issue 3]. Moscow. (In Russ.)].

Денисенко М. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья // Демоскоп-Weekly. 2012. № 513—514. [Denisenko M. (2012) Emigratsiya iz Rossii v strany dalnego zarubezhya [Emigration from Russia to the far abroad countries]. *Demoscope-Weekly*. No. 513—514. (In Russ.)].

Зеленин А. Язык русской эмигрантской прессы (1919—1939). М.: Центр «Златоуст», 2007. [Zelenin A. (2007) Yazyk russkoi emigrantskoi pressy (1919—1939) [Language of the Russian emigration press (1919—1939)]. Moscow, Tsentr «Zlatoust». (In Russ.)].

Кивисто П., Резаев А. В. Введение // Сборник научных трудов «Современные проблемы исследований транснационализма и миграции» Том I. Часть 1. / под ред. П. Кивисто, А. В. Резаева. Санкт-Петербург, 2015. С. 7—14. [Kivisto P., Rezaev A. V. (2015) Vvedenie [Introduction]. In: Kivisto P., Rezaev A. V. (ed.) *Sbornik nauchnykh trudov «Sovremennye problemy issledovaniy transnatsionalizma i migratsii» Tom I. Chast' 1.* [Collection of scientific papers «Modern problems of transnationalism and migration studies». Vol. I. Part 1]. St Petersburg. P. 7—14. (In Russ.)].

Медведева Т. А., Бушуева С. В. Российское зарубежье XX века: особенности формирования, адаптации и сохранения национальной идентичности российской эмиграции // Вестник Нижегородского университета им. Лобачевского, 2016, № 2. С. 32—41. [Medvedeva T. A., Bushueva S. V. (2016) Rossiiskoe zarubezhie XX veka: osobennosti formirovaniya, adaptatsii i sokhraneniya natsional'noi identichnosti rossiiskoi emigratsii [Russian Diaspora of the XX century: the features of formation, adaptation and preservation of the national identity of the Russian emigration]. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University*, No. 2. P. 32—41. (In Russ.)].

Полян П. Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию // в кн.: Россия и ее регионы в XX веке: территория — расселение — миграции / под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. [Polyan P. (2005) Emigratsiya: kto i kogda v XX veke pokidal Rossiyu [Emigration: who and when left Russia in the XX century. In: *Rossiya*

i ee regiony v XX veke: territoriya — rasselenie — migratsii [Russia and its regions in the XX century: territory — settlement — migrations]. Ed. by O. Glezer, P. Polyak. Moscow: OGI. (In Russ.).

Попков В. Д. Эмиграция из Российской Империи и Советского Союза в Европу: сравнительный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. № 3. С. 143—159. [Popkov V. D. (2007) Emigratsiya iz Rossiiskoi Imperii i Sovetskogo Soyuza v Evropu: sravnitelnyi analiz [Emigration from the Russian Empire and the Soviet Union to Europe: comparative analysis]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii [Journal of Sociology and Social anthropology]*. Vol. 10. No. 3. P. 143—159. (In Russ.).]

Тольц М. Постсоветские евреи в современном мире: массовая эмиграция евреев из СССР в 1970-е и ее торможение в 1980-е // Демоскоп-Weekly. 2007. № 303—304. [Tolts M. (2007) Postsovetskie evrei v sovremennom mire: massovaya emigratsiya evreev iz SSSR v 1970-e i ee tormozhenie v 1980-e [Post-Soviet Jews in the contemporary world: mass Jewish emigration from the USSR in the 1970s and its reduction in the 1980s]. *Demoscope-Weekly*. No.303. (In Russ.).]

Basch L., Glick Schiller N., Szanton Blanc Ch. (1995) From Immigrant to Transmigrant: Theorizing Transnational Migration. *Anthropological Quarterly*. Vol. 68. No. 1. P. 48—63.

Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc Ch. (1992) Transnationalism: a new analytic framework for understanding migration. *Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered*. Ed. by Glick Schiller N., Basch L., Szanton Blanc Ch. New York: New York Academy of Sciences. PP. 1—24.

Faist Th. (2010) Towards Transnational Studies: World Theories, Transnationalisation and Changing Institutions. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 36. No. 10. P. 1665—1687. DOI: 10.1080/1369183X.2010.489365

Faist T. (2013) Transnationalism. *Routledge International Handbook of Migration Studies*. Ed. by Gold S. J., Nawin S. J. 2013. P. 449—459.

Kivisto P. (2001) Theorizing transnational immigration: a critical review of current efforts. *Journal of Ethnic and Racial Studies*. Vol. 24. No 4. P. 549—577.

Portes A., Zhou M. (1993) The New Second Generation: Segmented Assimilation and Its Variants. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 530. No. 1. P. 74—96.

Portes A., Guarnizo L., Landolt P. (1999) The study of transnationalism: pitfalls and promise of an emergent research. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 22. No. 2. P. 217—37.

Portes A., Fernandez-Kelly P., Haller W. (2005) Segmented assimilation on the ground: The new second generation in early adulthood. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 28. No. 6. P. 1000—1040.

Remennick L. (2002) Transnational community in the making: Russian-Jewish immigrants of the 1990s in Israel. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 28. No. 3. P. 515—30.

Remennick L. (2007) *Russian Jews on three continents: identity, integration, and conflict*, New Brunswick, NJ: Transaction.

Remennick L. (2015) Transnational Lifestyles among Russian Israelis: a Follow-Up Study. In: *Collection of scientific papers «Modern problems of transnationalism and migration studies*. Vol. I. Part 1. Ed. by P. Kivisto, A. V. Rezaev. St Petersburg. P. 28—36.

Waldinger R., Catron P. (2016) Modes of incorporation: a conceptual and empirical critique. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 42. No. 1. P. 23—53.